

С. В. Любичанковский
ИМПЕРИЯ РОМАНОВЫХ И ПРОБЛЕМА УПРАВЛЕНИЯ
КУЛЬТУРНО-ГЕТЕРОГЕННЫМ ПРОСТРАНСТВОМ*

Длительное время в отечественной исторической науке единственно возможная оценка региональной системы управления Российской империи была производной от оценки самой империи как «тюрьмы народов». Современная наука, в целом, преодолела этот подход и предложила совершенно новую исследовательскую парадигму, которая получила название «новая имперская история» (в России базой развития данного направления являются Центр исследований национализма и империи при Казанском университете и международный журнал «Ab Imperio»).

Новое направление далеко от идеализации империй, но и не склонно воспринимать их излишне критически. Сегодня под империей понимается способ управления гетерогенным пространством в условиях модернизирующегося общества, способ преодоления мировой локальности. «Мир-империя» (Ф. Бродель, И. Валлерстайн) предстает «эластичной» и вариативной системой управления «различиями и сложностями». При всей важности вопроса о причинах краха империй в XX в. изучение имперского способа управления должно дать ответ на не менее важный вопрос: каким образом на протяжении нескольких веков династии Романовых удавалось обеспечить феноменальную устойчивость такого сложного конгломерата народов и культур, как Российская империя? Исследовательские акценты в настоящее время смещены на выяснение потенциала управленческих технологий, способных эффективно и адекватно реагировать на быстро меняющуюся политическую, экономическую и социокультурную конъюнктуру в условиях мультикультурного сообщества.

В 2012 г. были подведены итоги международной дискуссии по истории местного управ-

ления пореформенной России, проходившей под эгидой РАН.¹ Функцию модератора дискуссии выполнял автор этой статьи. В проекте приняло участие 37 специалистов из России, стран СНГ и дальнего зарубежья. Его результаты привлекли большое внимание как в России,² так и за ее рубежами.³

Важным компонентом дискуссии стало обсуждение региональной управленческой специфики Российской империи, которое развивалось в трех направлениях. Первый вектор был связан с определением структуры империи в региональном плане и динамики ее развития (проф. С. Беккер (США), проф. А. Каппелер (Австрия), д.и.н. А. В. Ремнев (Омск), д.и.н. Л. Е. Горизонтов (Москва), к.и.н. Д. В. Васильев (Москва)); второй — с определением базовых механизмов имперского управления периферией (А. Каппелер, Л. Е. Горизонтов, проф. Й. Баберовски (Германия), Д. В. Васильев, проф. С. В. Любичанковский (Оренбург)); третий — с определением

¹ См.: Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность: сводные материалы заочной дискуссии. Екатеринбург; Ижевск, 2010.

² См.: Марасанова В. М. О пользе дискуссии в исторических исследованиях. Рецензия на книгу: Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Сводные материалы заочной дискуссии / под общ. ред. А. Е. Загребина и С. В. Любичанковского. Екатеринбург; Ижевск, 2010. 496 с. // Науч.-техн. ведомости Санкт-Петербург. гос. политехн. ун-та. Гуманитарные и общественные науки. 2010. № 2. С. 261–264; Воропанов В. А. Рецензия на сборник «Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Сводные материалы заочной дискуссии» / под общ. ред. А. Е. Загребина и С. В. Любичанковского. Екатеринбург; Ижевск. Изд-во УИИЯЛ УрО РАН, 2010. 496 с. // Социум и Власть. 2010. № 4. С. 120–122; Барина Е. П. К итогам заочной дискуссии «Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность» // Клио. 2011. № 1. С. 86, 87; Борисов А. А. Рецензия на сборник сводных материалов заочной дискуссии «Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность» (под общ. ред. А. Е. Загребина, С. В. Любичанковского). Екатеринбург; Ижевск, 2010. 496 с. // Вестн. Ом. ун-та. 2011. № 1. С. 256–258; Старченко Г. И. Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. 2011. № 1. С. 174–177.

³ См.: Lyubichankovskiy S. Local Administration in the Reform Era and After: Mechanisms of Authority and their Efficacy in Russia // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2012. Vol. 13, № 4. P. 861–875; Evtuhov C. Voices from the Regions // Ibid. P. 877–887; Schattenberg S. Max Weber in the Provinces // Ibid. P. 889–902; Robbins R. New Research about Local Management of the Russian Empire // Slavic Review. 2012. Vol. 71, № 1. P. 176, 177.

Любичанковский Сергей Валентинович — д.и.н., профессор кафедры Российской истории Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург)
 E-mail: svlubich@yandex.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 12-01-12000/в «История Оренбургского края в опубликованных дореволюционных источниках: научно-образовательный сайт»

управленческой специфики Урало-Каспийского и Урало-Поволжского макрорегионов и некоторых составляющих их субрегионов (проф. К. Мацузато (Япония), Л. Е. Горизонтов, д.и.н. И. К. Загидуллин (Казань), к.и.н. Д. А. Старков (Самара), к.и.н. Н. Л. Семенова (Стерлитамак)).

Цель статьи — познакомить читателей с высказанными в ходе дискуссии оригинальными идеями, а также с собственными соображениями по поводу некоторых применявшихся в империи Романовых механизмов реализации принципов имперского управления.

Дискуссия выявила единство мнений ее участников по вопросу о *сложности структуры империи и о векторе ее развития*.

Так, С. Беккер применительно к Российской империи XIX в. выделил 4 разных типа отношений между метрополией и периферией в зависимости от социокультурной специфики территории (западные окраины, Закавказье, Сибирь, Туркестан).⁴ Генеральный вектор развития данных отношений был направлен (по С. Беккеру) в сторону интеграции периферий с центром до уровня «государства-нации». Это идеальный результат, которого, по мнению ученого, в принципе нельзя было достигнуть в сложившихся конкретно-исторических «модерных» условиях. Российская династическая империя не смогла развиваться в государство-нацию, но не потому, что ее правители предпочитали строительство империи строительству нации, а потому, что путь, выбранный ранее Западом, в эпоху национализма уже был закрыт. В XIX в. династические государства были вынуждены срочно трансформироваться в государства-нации, которые в противном случае могли бы их разрушить и прийти им на смену. У империй уже не оставалось времени для достижения существенной этнической гомогенизации — процесса, который занял бы время, равное жизни нескольких поколений. Вместе с тем отрицание возможности достичь идеального результата не означает для С. Беккера полной бессмысленности избранного империей пути. Частичные успехи в указанном направлении также были важны. Учреждение генерал-губернаторств нередко приводило к созданию структуры, в рамках которой завершалась интеграция окраины в административную систему империи, хотя

этот процесс протекал в различных регионах с разной скоростью.

А. Каппелер, основываясь на результатах сравнительного анализа трех континентальных империй (Австрийской, Османской, Российской), также сделал вывод о том, что основной «имперской» целью являлась интеграция периферий с центром и эта цель в России достигнута не была.⁵

А. В. Ремнев обратил внимание коллег на огромный исследовательский потенциал регионального подхода и парадигмы «географии власти», позволяющий преодолеть биполярные схемы (центр-периферия, метрополия-колония и т. д.) в понимании структуры империи. Ученый видит эту структуру более сложной и гибкой, трехчастной, включающей ядро, окраины, а также «внутренние окраины» как промежуточную форму. Он также подчеркнул динамичность конкретного содержания этих понятий применительно к Российской империи, и в этом с ним согласились все участники дискуссии.

Дистанция между русским национальным «ядром» и национальными «окраинами» не была статичной: она могла сокращаться, порождая промежуточные формы и отношения. Территории восточнее Волги оценивались империей не только по их удаленности от центра страны, но и главным образом по потенциальной способности окраин (империя старалась избегать термина «колонии») прочно слиться с русским государственным ядром. Например, Оренбургский край, который согласно предложенной типологии, можно отнести именно к «внутренним перифериям», рассматривался в этом смысле как не лишенный перспектив, сходных по историческим результатам с Новороссией, Нижним Поволжьем, Сибирью и Дальним Востоком.

По мнению А. В. Ремнева, со второй половины XIX в. движение русского населения на имперские окраины (как стихийное, так и регулируемое государством) начинает восприниматься и в правительстве, и в обществе как целенаправленное политическое конструирование империи. Это была своего рода сверхзадача, которая с 1860-х гг. формулируется как новый национальный курс на создание «единой и неделимой» России с центральным русским государственным ядром, окруженным

⁴ Подробнее об этом см.: Беккер С. Россия и концепт империи // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. С. 67–80.

⁵ Подробнее об этом см.: Каппелер А. Центр и элиты периферий в Габсбургской, Российской и Османской империях (1700–1918 гг.) // *Ab Imperio*. 2007. № 2. С. 17–58.

окраинами, которые со временем могли «обрусеть» и «слиться» с сердцевинной империи, с ее внутренними губерниями, населенными русскими. Основным отличием Российской империи от западных мировых держав считалось то, что она представляла собой цельный территориальный монолит, и поэтому колонизационное движение из внутренних губерний России не носило характера эмиграции. Как заметил современный британский историк и политолог Д. Ливен, «русскому колонисту было затруднительно ответить на вопрос: где, собственно, заканчивается Россия и начинается империя?»⁶

Л. Е. Горизонтов, также признавая унификационную целевую установку имперского правительственного курса, вместе с тем отметил, что нередко особый административный режим, который теоретически должен был бы обеспечить переход к унификации, в действительности сохранял («консервировал») особенности региона. В основе выделения исследователем Урало-Поволжского региона как внутренней окраины пореформенной России лежат, в качестве базового критерия, «ментальные карты» прошлого. Л. Е. Горизонтов увидел в русском колонизационном движении своего рода перспективу «двойного расширения» Российской империи — путем ее внешнего территориального роста в целом и параллельно посредством разрастания «имперского ядра» за счет примыкающих к нему окраин.

Участники обсуждения обратили также внимание на взаимодействие центра и местных элит как на ключевой элемент механизма имперского управления периферией в империи Романовых, определяющий его эффективность. Так, А. Каппелер оценил данное взаимодействие как универсальный способ имперского контроля над культурно-гетерогенными перифериями и как центральный элемент стабильности империй. Исследователь зафиксировал несколько фаз в развитии данного подхода (или вариантов реализации универсального механизма) в пореформенной России — отказ от политики кооперации со «старыми» периферийными элитами после польских восстаний 1830 и 1863 гг., краткосрочная попытка кооперации с новыми национальными элитами «крестьянских народов», акцентирование взаимо-

действия с лояльными русскими элитами и восстановление сотрудничества с лояльными нерусскими элитами после 1905 г. В качестве важнейшего имперского механизма кооптации иноэтничных элит А. Каппелером была представлена армия.

Что позволяло имперскому центру «тасовать» статус местных национальных элит? По мнению А. Каппелера, такую возможность давали национальные движения недоминантных народов: они не отличались внутренней сплоченностью, не всегда были нацелены против имперского центра или доминантной этнической группы. Гораздо чаще они выступали против доминирующих региональных элит (греки в Османской империи; поляки и остзейские немцы в Российской империи; венгры, поляки и итальянцы в Габсбургской империи), что давало метрополии, стремившейся к сохранению империи, возможность проводить политику на основе принципа «разделяй и властвуй» и создавать попеременно коалиции как со старыми, так и с новыми элитами на периферии. Это была достаточно успешная политика, и 1914 год это продемонстрировал: большинство периферийных элит, сохраняя свою лояльность правителям, отправилось на войну в составе имперских армий.

Л. Е. Горизонтов среди ключевых элементов механизма имперской унификации назвал формирование культурно-однородного (русского) контингента местного чиновничества и постоянный межрегиональный трансфер кадров госслужащих.

В ходе дискуссии Й. Баберовски обратил внимание на фундаментальное негативное влияние модернизации на классические механизмы имперского управления окраинами. Это влияние заключалось в том, что бюрократизация мультиэтничных окраин вела к маргинализации автохтонных элит, представлявших власть центра в дореформенный период. Неизвестные люди на непонятном языке объясняли непонятные законы и приводили их в исполнение — так воспринималась бюрократизация окраин местными элитами и крестьянским населением. В патримониальных присутственных обществах на Кавказе и в Центральной Азии единственно понимаемым и принимаемым уровнем власти был персональный уровень; бюрократического уровня население окраин в принципе не принимало. В результате пореформенная бюрократия властвовала на окраинах прежде всего «сама

⁶ Ливен Д. Русская, имперская и советская идентичность // Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России. М., 1999. С. 299.

над собой»: ее чиновники имели размытые представления о жизни за стенами своих учреждений. Для того чтобы быть услышанными, они должны были бы кооперироваться с местными патронами и главами кланов, которым принадлежала реальная власть в этих удаленных от центров государственного влияния пространствах, т. е. им следовало бы перестать быть бюрократами. Это противоречие серьезно ослабляло империю.

Д. В. Васильев на материалах Русского Туркестана обозначил и показал такой практиковавшийся в империи механизм последовательной и осторожной интеграции окраин с ядром, как конструирование русским управлением на периферии собственной системы культурных кодов, способной заместить традиционный культурный код «туземного» населения в вопросах власти и управления. Дело в том, что на Востоке Россия столкнулась с традицией государственности, одной из важнейших составляющих которой была самопрезентация власти: она должна была поражать подданных своим величием. Это было одним из факторов, гарантировавших лояльность местного населения. Именно стремлением подчеркнуть величие, основательность и постоянство власти было вызвано появление великолепных резиденций генерал-губернаторов на Кавказе и в Туркестане. Это было одним из доказательств особого предназначения резиденции, а именно выступать в роли символа имперского присутствия на окраине. Так же следует оценивать и пышные свиты во время выездов руководителей и вообще замещение региональными начальниками пышного придворного церемониала, порожденного самой традицией восприятия власти на Востоке. Известно, что русские администраторы мусульманских провинций империи успешно использовали эти представления в своей управленческой практике. Первого туркестанского генерал-губернатора К. П. Кауфмана местные жители прозвали «Ярым-паша» («Ярым-падишах») не только за фактическую безграничность его полномочий, но и за характерную для Востока завораживающую роскошь, сопровождающую все ритуальные проявления его власти и соответствующую ожиданиям местного социума. Обезд туркестанским генерал-губернатором вверенного ему края сопровождался церемонией, поразившей воображение: торжественным построением войсковых частей, военными парада-

ми, выступлениями многочисленных военных оркестров, приемом депутатий от всех сословий, торжественными обедами. Все это явно превосходило аналоги из церемониальной практики бухарских эмиров. Принципиальное отличие состояло в том, что российские администраторы широко использовали подобные события как повод для пропаганды имперской идеологии и для разъяснения политических устремлений правительства.

На наш взгляд, есть все основания согласиться с тем, что имперская политика Романовых заключалась в «переваривании» территорий, в трансформации их сущностного статуса — в расширении «ядра» империи за счет «внутренних окраин», а последних — за счет классических окраин. Механизм этой внутренней колонизации включал в себя не только экономические и этноконфессиональные мероприятия (организацию переселенческого движения, миссионерской деятельности и т. д.), но и комплекс управленческих решений. В своей совокупности его можно условно назвать «внутренней административной колонизацией».

Если сосредоточить анализ на территории огромного макрорегиона на стыке европейской и азиатской частей России, включавшего в себя уральские, казахские и среднеазиатские земли (Урало-Каспийский район, или, по выражению профессора К. Мацузато, «Великий Оренбург»), то можно констатировать, что на этой территории соседствовали друг с другом классические национальные окраины (Туркестанское генерал-губернаторство, Степной край) и так называемые «внутренние окраины» (Урал). Представляет научный интерес вопрос о том, как управленческие решения способствовали изменению статуса данных земель в имперской плоскости, т. е., иными словами, менялась ли с их помощью конфигурация «ядра» и периферии позднеимперской России. Методологически в исследовании этого вопроса можно опереться на концепцию «географии власти», введенную в научный оборот профессором А. В. Ремневым.

Можно выделить три основных направления «внутренней административной колонизации» Урало-Каспийского макрорегиона в исследуемый период.

Во-первых, это специфический подбор высших региональных руководителей, основанный на определении места той или иной губернии в системе карьерного продвижения по

административной лестнице. Такое место есть завуалированный, но весьма точный показатель того или иного имперского статуса региона («ядро», «внутренняя окраина», окраина). Так, например, должность генерал-губернатора, а с 1881 г. — и гражданского губернатора Оренбургского края играла роль «трамплина» для продолжения карьеры в системе государственного управления. Назначались на нее преимущественно кадровые военные (около 63 %), тогда как по европейской части империи этот показатель составлял около 11 %, но впоследствии их переводили не обратно в вооруженные силы, а в основном на более важные и престижные посты в государственном аппарате империи (генерал-губернатор, командир Отдельного корпуса жандармов и т. д.).⁷

Во-вторых, это систематическая работа по изменению административно-территориальных границ. Так, в начале XX в. прорабатывался вопрос о выделении из Пермской губернии Екатеринбургской, а из Оренбургской губернии — Челябинской; о присоединении части уездов Оренбургской губернии к Екатеринбургской, а части уездов Тургайской области — к Оренбургской. Изменение предлагаемым образом конфигурации губернских границ являлось, по сути, переводом ряда окраинных территорий в разряд «внутренней окраины» (например, фактический раскол Тургайской области), а ряда территорий «внутренней окраины» — в статус «ядра» империи (конфессиональный и этнический состав Пермской и Оренбургской губерний в скорректированных границах вполне позволял добиться решения этой задачи).

В-третьих, это изменение имперского статуса территорий за счет корректировки системы местного управления. Дело в том, что с управленческой точки зрения стандартом империи в области местного управления являлись нормы «Общего учреждения губернского» (издания 1892 г.). Поэтому в данной плоскости существует четкий критерий отнесения тех или иных территорий империи к ее «ядру», «внутренним окраинам» или к классическим окраинам. Если губерния полностью подчинена соответствующим правилам, то она есть часть государственного «ядра»; если нормы «Общего учреждения губернского»

действуют на ее территории «с изъятиями», то такая губерния является «внутренней окраиной»; если же территория подчинена не общему, а специальному «Учреждению», то она является окраиной. Таким образом, существует четкий критерий соотношения территорий с тем или иным имперским статусом. Так, в 1908–1910 гг. была осуществлена очередная (после ревизии сенатора Ф. К. Гирса в 1883 г.) попытка (с помощью senatorской ревизии) перевода Туркестанского генерал-губернаторства из ведения Военного министерства в ведение МВД, что предусматривало частичное (с сохранением ряда местных особенностей) введение на данной территории норм «Общего учреждения губернского».⁸ Это можно интерпретировать как мероприятие, направленное на перевод Туркестанского края в разряд «внутренних окраин». В это же время, в 1913 г., на территории Оренбургской губернии были введены земские учреждения. Тем самым губерния стала подчиняться нормам «Общего учреждения губернского» полностью, т. е. с точки зрения строения вертикали власти обрела статус «ядра» империи.

Все перечисленные выше механизмы «внутренней административной колонизации» были в конечном счете направлены на систематическое расширение унификационной тенденции, на «подтягивание» периферии до положения «ядра». Однако в условиях системного кризиса поздней Российской империи в правительственном истеблишменте наметилось оформление и иного взгляда на возможную эволюцию государственного устройства. Речь идет о появившихся в межреволюционное десятилетие предложениях по реформированию административного управления на «областных началах», т. е. на принципах автономизации регионов. Таковы были проекты, предложенные в 1907–1913 гг. С. Е. Крыжановским⁹ и И. М. Страховским.¹⁰ Несмотря на то что оба автора являлись крупными государственными деятелями, занимавшими ответственные посты в аппарате

⁷ Подробнее об этом см.: Любичанковский С. В. Принципы подбора чиновников на должность руководителя Оренбургского края (1781–1881) // Проблемы истории Оренбургского края XVIII–XX веков. Оренбург, 2004. С. 33–45.

⁸ См.: Lyubichankovskiy S. Practice of Administrative Investigations of the Officials' Malfeasances in the Russian Empire in Early XX Century // International Conference Proceedings of PSRC. 3rd International Conference on Economics, Humanities, Bio-Technology, January 4–5, 2013. Bali, 2013. P. 89–92.

⁹ Крыжановский С. Е. Проект децентрализации империи // Посев. 1993. № 4. С. 15–21.

¹⁰ Страховский И. М. Губернское устройство (правительственные учреждения). Из Журнала Министерства юстиции (сентябрь, октябрь и ноябрь 1913 г.). СПб., 1913.

управления (первый был товарищем министра внутренних дел, второй — известным губернатором), изложенные ими идеи носили неофициальный характер. Ни одно из ведомств либо межведомственных органов так и не решилось даже обсудить их на своих заседаниях, хотя известно, что, например, проект С. Е. Крыжановского «очень пленял Столыпина».¹¹ Положение несколько изменилось только в годы Первой мировой войны. Именно к этому периоду относится первая (и последняя в истории поздней Российской империи) правительственная разработка, предусматривающая внедрение в государственную жизнь принципа автономизации регионов. Речь идет о записке председателя Совета министров Б. В. Штюрмера «Областное начало внутреннего управления империи», датированной июлем 1916 г. и предназначенной для императора Николая II.¹² В данном проекте намечалось создание на территории страны 15–18 областей, не считая Привислинского края и Великого княжества Финляндского.¹³ Документ был прочитан Николаем II, который собственноручно наложил на него следующую резолюцию: «Разработать теперь же законопроект об областном управлении и внести на рассмотрение законодательных собраний ко времени осеннего созыва их».¹⁴ По понятным причинам никаких реальных последствий это запоздалое решение не имело.¹⁵ Важно отметить, что данный поворот нельзя рассматривать как «сворачивание империи». Скорее, это была попытка спасти ее от разрушения, поскольку общеимперская административная децентрализация предлагалась в качестве альтернативы сепаратизму (политической автономизации) отдельных окраин.

Очень внимательно участники обсуждения отнеслись к вопросу об определении *управленческой специфики Урало-Каспийского и Урало-Поволжского макрорегионов* —

территорий, которые являлись примером «внутренней периферии» пореформенной Российской империи и важным элементом которых был Оренбургский край. Так, Л. Е. Горизонтов охарактеризовал Урало-Поволжье как регион, служивший переходом от Европы к Азии, в котором наблюдалось нарастание азиатских черт и заканчивалась Россия в узком смысле. Историческая окраинность их усугублялась существенной долей инородческого населения. И. К. Загидуллин выделил 10 отличительных черт (социально-экономического, этноконфессионального, культурного, геополитического плана) Урало-Поволжского макрорегиона, определявших в совокупности его управленческую специфику в системе регионов пореформенной империи:

1. Существование института генерал-губернаторства (Оренбургского и Самарского в 1851–1865 гг. и Оренбургского до 1881 г.) обуславливало особенные взаимоотношения между центром и губернскими администрациями, когда между ними стояла фигура генерал-губернатора, обладавшего огромными полномочиями для автономного решения возникающих проблем.

2. Сохранение «родимых пятен» «внутренней окраины», элементов дореформенной системы управления в регионе выражалось: а) в особом статусе Букеевской орды в составе Астраханской губернии, б) сохранении в регионе институтов военно-служилого сословия, казачества, в) сохранении за кочевыми народами статуса инородцев, обеспечивающего им в региональном управлении и при решении мелких правонарушений верховенства адата над имперским законодательством, г) сохранении башкирского вотчинного землевладения.

3. В пореформенный период социально-экономическое, промышленное развитие Поволжья и Приуралья шло более замедленными темпами, нежели в центральном и других промышленных районах России. Это обстоятельство и аграрный характер хозяйств региона непосредственным образом сказывались на общественных отношениях, в том числе на взаимоотношениях коронной администрации и различных социальных групп населения, также на реализации реформ и установок правительства.

4. Принадлежность коренного населения региона к бывшей государственной, удельной деревне, военно-служилому сословию или к специфическим социальным группам

¹¹ Цит. по: Корелин А. П. Проблемы местного управления в России на рубеже XIX–XX вв. // Судьба двух империй. Российская и Австро-Венгерская монархии от расцвета до крушения. М., 2006. С. 202.

¹² ГАРФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 109.

¹³ Подробнее об этом см.: «Преобразование, неотложность коего бесспорна...»: Записка председателя Совета министров Б. В. Штюрмера о необходимости проведения областной реформы // Отечественные архивы. 2009. № 1. С. 95–104.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 109. Л. 1.

¹⁵ См.: Любичанковский С. В. Кризис губернского управления регионами в позднеимперской России // Федерализм. Теория. Практика. История. 2007. № 1. С. 127–140.

(тептяри, бобыли) означала, что социальные отношения во многом определялись по схеме «имперская власть (чиновники) — местное население».

5. В пореформенный период в регионе на всех уровнях власти, в том числе в органах самоуправления (кроме крестьянских), большинство должностей занимали представители титульного населения, что превращало их взаимоотношения с коренными народами в составную часть «национального вопроса» в империи.

6. Незначительность помещичьих угодий в ряде губерний региона по сравнению с исконно русскими губерниями и обеднение дворян после отмены крепостного права сформировали качественно новые взаимоотношения между коронной и местной администрациями: как правило, власть губернатора усиливалась, корпорация местных дворян не могла с ней конкурировать. На этот момент обратил в свое время внимание А. И. Герцен.

7. Малочисленность дворян в сословной мозаике населения ряда губерний региона предопределила назначение на должности среднего звена главным образом недворян (разночинцев и др.).

8. Поликонфессиональный и полиэтничный состав населения с самобытными культурными традициями и языковой барьер создавали дополнительные трудности в общении чиновников с местными жителями, причем недоразумения в этой сфере порой вырастали в неповиновение и антиправительственные выступления крестьян.

9. В нескольких губерниях региона русские не представляли абсолютного большинства населения. Согласно материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 г., титульное население составляло меньшинство в Казанской (38 %), Уфимской (38 %) и Астраханской (41 %) губерниях. В конфессиональном плане значительный сегмент населения этих губерний был представлен мусульманами.

10. В последней четверти XIX в. — начале XX в. власть, с учетом осложнения «мусульманского вопроса» в Казанской губернии, стала внимательно подбирать кандидатов на должность губернатора. Стало очевидным, что, помимо организаторского таланта и преданности престолу, важно еще знание региональной специфики. Такой подход, в частности, выразился в переводе уфимского губернатора Полторацкого в Казанскую губернию.

Д. А. Старков и Н. Л. Семенова сформулировали управленческо-ориентированные особенности субрегионов Урало-Поволжья — собственно Поволжья и Оренбургского края. Важно отметить, что специфика последних полностью укладывается в предложенные И. К. Загидуллиным параметры, т. е. участники дискуссии подкрепили позиции друг друга собственным независимым анализом.

Большой интерес представляет концепция К. Мацузато. Японский ученый обосновал наличие в Российской империи единого Урало-Каспийского макрорегиона, или «Великого Оренбурга», и выделил 5 его территориальных образцов, которые разделяла центральная и местная элита во 2-й половине XIX в. — «плацдарм в Центральную Азию», «объект эксплуатации с огромными ресурсами», «опытный полигон для реформ», «цитадель “цивилизаторов”» и «глухая провинция». Исследователь доказал, что каждый из этих образцов способствовал наделению системы управления данным макрорегионом специфическими чертами, отличавшими ее от имперского стандарта в области местного управления. Остановлюсь на этой позиции подробнее.

Во-первых, японский ученый настаивает, что роль Урало-Каспийского региона как «плацдарма в Центральную Азию» в середине XIX в. сильно преувеличена. По его мнению, происхождение этого территориального образа было исторически связано с тем, что в «проекте Кириллова», который намеревался создать оренбургскую цитадель, ему было уделено особое внимание. Действительно, ликвидация особого пограничного режима под названием Оренбургское генерал-губернаторство осуществлялась в тесной связи с политической и военной ситуацией в Центральной Азии. Однако нужно разобраться в характере причинных связей. Например, с 1830-х гг. по 1865 г. правительство неуклонно сокращало Башкиро-Мещерякское войско (смоделированное по казачьей системе) и обращало башкир и другие этнические группы, которые принадлежали к этому войску, в податное сословие. В исторической литературе, опубликованной в Башкортостане, повторяется идея, что эта реформа стала возможной с того момента, как военная экспансия империи по отношению к Центральной Азии стала подходить к концу. Однако это объяснение не имеет смысла, так как Башкирская реформа, так же как и Казачья реформа, была проведена

в течение 1860-х гг., когда военные действия России в Центральной Азии достигли своей кульминации. Более того, Башкиро-Мещерякское войско использовалось не в качестве военной силы, а как рабочая сила для строительства и осуществления перевозок, т. е. необходимость в нем не снизилась бы даже и после покорения Центральной Азии.

За период с 1865 по 1879 гг., правительство значительно сократило военные сборы, наложенные на оренбургских казаков, и дало им право выхода из казачьего сословия, а также в некоторой степени нивелировало особенности казачьей административной и юридической системы для того, чтобы сделать их ближе к гражданскому населению. Государственные чиновники также обсуждали реформу Уральского казачьего войска. Несмотря на то что казачьи войска, так же как и Башкирское войско, играли решающую роль в экспансии России в Центральноазиатском регионе, во «всеподданнейших отчетах» оренбургского генерал-губернатора Александра Безака царю нет никакой информации, касающейся «военных успехов в Центральной Азии», когда он говорит о необходимости Казачьей и Башкирской реформ. Вместо этого Безак повторяет свои намерения реализовать эти реформы в соответствии с Манифестом от 19 февраля 1861 г., упраздняющим крепостное право. В 1862 г. генерал-губернатор даже предложил царю прекратить действия местных комитетов по Казачьей реформе, так как, по его мнению, было бессмысленно рассматривать эту реформу отдельно от других административных и юридических реформ империи, которые не были разработаны в 1862 г. Таким образом, обзор Башкирской и Казачьей реформ показывает, что при их разработке не было ссылок на военную ситуацию в Центральной Азии. Причиной же для спора политиков было положение Башкирского и Оренбургского казачьего войск само по себе. Другими словами, главным вопросом было состояние самого Урало-Каспийского региона, а не его отношения с Центральной Азией, т. е. мотив для реформ был внутренний.

К. Мацузато также подчеркнул, что не только генерал-губернатор Крыжановский, который укоренился в Оренбурге и сделал его источником своих политических связей, но и генерал-губернатор Безак, который прослужил там всего четыре года, делал все возможное, чтобы отложить устранение генерал-губернаторства. У японского ученого сложилось впечатление, что регион, который изначально был «продуктом воображения», получил индивидуальность и начал давать роли местным политикам. Несмотря на устранение Оренбургского генерал-губернаторства в 1881 г. и военного округа в 1883 г., еще долго продолжало существовать ощущение территориальной интеграции «Великого Оренбурга». Это демонстрируют публикации местных краеведов и в начале XX в., и в 1920-е, и даже 1930-е гг.¹⁶ Когда же образ «Великого Оренбурга» сменился восприятием менее крупных регионов, таких как Южный Урал и Западный Казахстан? На этот важный вопрос японский ученый ответа не дал.

Подводя итог дискуссии, можно констатировать, что совокупными усилиями ученых было обозначено конкретное содержание тех объективных условий, которые определяли конструирование той или иной модели регионально-ориентированного имперского управления и непосредственно влияли на уровень эффективности реализации властных полномочий. Следует также отметить, что для современной мировой исторической науки характерно пристальное внимание к опыту империи Романовых в сфере управления культурно-гетерогенным пространством, причем одной из узловых точек данной проблематики является «внутренняя периферия», ее особенности и специфика работы с ней в рамках процесса расширения «ядра» империи и создания условий, обеспечивающих длительную устойчивость мультикультурных сообществ. Такая историографическая ситуация открывает для отечественного научного сообщества большие перспективы и исследовательские возможности.

Ключевые слова: *Российская империя, периферия, историография*

¹⁶ См., например: Данилевский К. В., Рудницкий Е. В. Урало-Каспийский край. Уральск, 1927.

Sergey V. Lyubichankovskiy

Doctor of Historical Sciences, Orenburg State Pedagogical University (Russia, Orenburg)

E-mail: svlubich@yandex.ru

ROMANOV'S EMPIRE AND THE PROBLEM OF CONTROL OVER
A CULTURALLY HETEROGENEOUS TERRITORY

The article attempts to investigate how the Romanov dynasty managed maintaining a phenomenal stability during several centuries in such a complex conglomerate of cultures and ethnic groups as the Russian Empire; the author reviews the ideas of contemporary specialists-historians on the mechanisms used by the Romanovs to build and expand their empire; studies the issues relating to the definition of the Russian Empire's structure and the basic mechanisms of imperial control over the periphery. Within the context of this problem the specifics of government organization in the Ural-Kaspian and the Ural-Volga macro-regions is defined. The author noted a growing interest in today's historical research in the experience of the Romanov Empire in managing control over the culturally heterogeneous territory with a particular focus on the "internal periphery", its distinguishing features and the specifics of managing it as part of the process of expanding of the "core" of the Empire and creating conditions contributing to a long-term stability of multi-cultural societies.

Key words: *Russian Empire, periphery, historiography*

REFERENCES

- Barinova Ye. P.** *Klio* (Clio), 2011, № 1, pp. 86–87. (in Russ.).
- Bekker S.** *Novaya imperskaya istoriya postsovetского prostranstva* [New imperial history of post-soviet space]. Kazan: Tsentr issledovaniy natsionalizma i imperii Publ., 2004, pp. 67–80. (in Russ.).
- Borisov A. A.** *Vestnik Omskogo universiteta* (Bulletin of Omsk University), 2011, № 1, pp. 256–258. (in Russ.).
- Danilevskiy K. V., Rudnitskiy Ye. V.** *Uralo-Kaspiyskiy kray* [Ural-Caspian edge]. Uralsk, 1927, 92 p. (in Russ.).
- Evtuhov C.** *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2012, Vol. 13, № 4, pp. 877–887. (in English).
- Kappeler A.** *Ab Imperio*, 2007, № 2, pp. 17–58. (in Russ.).
- Korelin A. P.** *Sudba dvukh imperiy. Rossiyskaya i Avstro-Vengerskaya monarkhii ot rastsveta do krusheniya* [The fate of two empires. Russian and Austro-Hungarian monarchy from the heyday before the crash]. Moscow: IVI RAN Publ., 2006, pp. 202. (in Russ.).
- Kryzhanovskiy S. Ye.** *Posev* (Sowing), 1993, № 4, pp. 15–21. (in Russ.).
- Liven D.** *Yevropeyskiy opyt i prepodavanie istorii v postsovetской Rossii* [European experience and teaching of history in post-soviet Russia]. Moscow: IVI RAN Publ., 1999, pp. 54–70. (in Russ.).
- Lyubichankovskiy S.** *Federalizm. Teoriya. Praktika. Istoriya* (Federalism. Theory. Practice. History), 2007, № 1, pp. 127–140. (in Russ.).
- Lyubichankovskiy S.** *Problemy istorii Orenburgskogo kraya XVIII–XX vekov* [Problems in the history of the Orenburg region XVIII–XX centuries]. Orenburg: OGPU Publ., 2004, pp. 33–45. (in Russ.).
- Lyubichankovskiy S.** *International Conference Proceedings of PSRC. 3rd International Conference on Economics, Humanities, Bio-Technology*, January 4–5, 2013. Bali: Planetary Scientific Research Centre Publ., 2013, pp. 89–92. (in English).
- Lyubichankovskiy S.** *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2012, Vol. 13, № 4, pp. 861–875. (in English).

Marasanova V. M. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* (Scientific and Technical Sheets of the St. Petersburg State Polytechnic University. Humanities and Social Sciences), 2010, № 2, pp. 261–264. (in Russ.).

Mestnoe upravlenie v poreformennoy Rossii: mekhanizmy vlasti i ikh effektivnost: svodnye materialy zaochnoy diskussii [Local governance in post-reform Russia: the mechanisms of power and efficiency: the combined materials absentee debate]. Ekaterinburg; Izhevsk: UIIYaL UrO RAN Publ., 2010, 496 p. (in Russ.).

Robbins R. *Slavic Review*, 2012, Vol. 71, № 1, pp. 176–177. (in English).

Schattenberg S. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2012, Vol. 13, № 4, pp. 889–902. (in English).

Starchenko G. I. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* (Scientific Statements of Belgorod State University), 2011, № 1, pp. 174–177. (in Russ.).

Voropanov V. A. *Sotsium i Vlast* (Social Life and Power), 2010, № 4, pp. 120–122. (in Russ.).

Zapiska predsedatelya Soveta ministrov B. V. Shtyurmera o neobkhodimosti provedeniya oblastnoy reform [Note by the chairman of the Council of ministers B. V. Stunner on the need for regional reform]. *Otechestvennye arkhivy* (Russian Archives), 2009, № 1, pp. 95–104. (in Russ.).